

КУЛЬТУРА

А.В.ШИПИЛОВ

**О бедности и богатстве
(Некоторые факты из истории
русской литературы)**

В советской школе, согласно идеологической традиции, любой русский писатель должен был предстать "выходцем из народа", писавшим о народе, для народа и во имя народа, причем этот самый "народ" понимался более в социальном, нежели в этническом смысле. А. Кантемир, даром что был сыном молдавского господаря, бичевал своими сатирами знатных бездельников; крестьянин М. Ломоносов, добравшись с обозом до Москвы и получив образование, отстаивал честь российского народа в нелегальной борьбе с вельможами; А. Сумароков высмеивал ленивых фанфаронов-дворян; Г. Державин неоднократно претерпевал за правду; А. Пушкин пел свободу, страдая и от светской черни, и от царя. Наконец, декабристы "разбудили А. Герцена", тот развернул революционную агитацию, и писательскую ниву стали возделывать литераторы, уже несомненно народные и по происхождению, и по "направлению", и по "значению творчества".

Сегодня мы живем в другой стране, и дети в школе "проходят" литературу уже иначе. На месте заброшенного плаца классовой теории раскинулся пестрый рынок конкурирующих идеологий, на котором каждый может выбрать товар по вкусу – от либерального консьюмеризма до православного патриотизма. Но вместе с тем кое-что остается неизменным. Я в этом убедился, почитав недавно изданный школьный учебник по русской литературе XIX в. А именно – вне зависимости от идеологических координат данного текста, писатели выглядят все так же "страшно близкими" к народу. Чуть ли не каждый представитель отечественной классики, оказывается, происходил из пусть и дворянской, но бедноты. Например, Н. Карамзин родился в "культурной и родовитой, но небогатой дворянской семье"; В. Жуковский, мало того, что незаконнорожденный, "был усыновлен бедным дворянином"; отец И. Крылова – "бедный армейский офицер"; А. Грибоедов появился на свет "в родовитой, но обедневшей дворянской семье"; А. Пушкин, как и следовало предполагать, тоже "родился в небогатой, но родовитой дворянской семье", и "далеко не богатым и не знатным Пушкиным" приходилось, вообще говоря, довольно туго; Н. Гоголь родился "в семье небогатого украинского помещика", и т.д., и т.п. [Лебедев, 2003, с. 9, 33, 50, 65, 97, 101, 201]. Словом, "вышли мы все из народа" (одному А. Кольцову повезло родиться "в зажиточной мещанской семье": сочинителю-недворянину, видимо, не обязательно быть бедным, хотя "пострадать" все равно придется). Таким образом, писатель на Руси должен быть бедным или, по крайней мере, иметь трудное детство, иначе он не станет народным/национальным и национальным/народным, а значит, не попадет в учебник. Почему так?

Шипилов Андрей Васильевич – доктор культурологии, профессор кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета.

Чтобы ответить на этот вопрос, для начала стоит разобраться, в самом ли деле русские классики были, как на подбор, бедными страдальцами. Если, не мудрствуя лукаво, "бедностью" считать материальное положение, обеспечиваемое уровнем дохода ниже, чем средняя зарплата в промышленности, то картина получится весьма отличной от того, что можно себе представить, читая как старые, так и новые учебники. Тот же Кантемир – сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира (вассала турецкого султана, заключившего с Петром I во время Прутского похода 1711 г. договор о переходе в русское подданство) и Кассандры Кантакузен, род которой восходил к византийской императорской династии, был князем и едва не стал владетельным князем¹. В качестве российского подданного князь Кантемир тоже не бедствовал: он дослужился до сенатора и тайного советника (чин III-го класса Табели о рангах), был резидентом в Лондоне и послом в Париже, а за свое участие в событиях 1730 г. (он – автор тех самых "Кондиций", которые разорвала Анна Иоанновна) получил более тысячи душ. (Это несколько скрасило тот факт, что отцовские 10 тыс. душ унаследовал его брат Константин.) Будучи князем, Кантемир мог говорить о природном равенстве людей; будучи помещиком, мог сочувствовать тяжелому положению крестьян; имея генеральский чин, мог сочинять сатиры. Конечно, высмеивая вельмож, он сам оставался настоящим вельможей; собственно, именно поэтому он и не опасался это делать – при тогдашнем чиновничьем смехе низестоящих над вышестоящими быстро заканчивался слезами.

В этом на собственном опыте убедился В. Тредиаковский – попович, состоявший при дворе в качестве "придворного поэта", когда неудачно пошутил в адрес кабинет-министра А. Вольтерского, за что тот собственноручно отлупил незадачливого стихотворца тростью. (В ходе последовавшего разбирательства данное действие было квалифицировано как "бесчестье", однако не для Тредиаковского, а для герцога Курляндского, в доме которого произошло это прилюдное избиение: бесчестье тогда могло быть нанесено только "низшим" – "высшему", но никак не наоборот.) Вот это был "настоящий писатель" – то есть, по понятиям XVIII в., плебей, живущий, за неимением какого-либо "имения", собственным трудом. Профессиональные литераторы типа Тредиаковского или Е. Кострова, действительно, не относились к элите, хотя и особенно бедными назвать их нельзя – Тредиаковский с 1733 г. числился адъюнктом Академии наук и получал 360 руб. годовых, а в 1745 г. был пожалован Елизаветой Петровной профессором с жалованьем 660 руб.; переводчик "Илиады" бакалавр Костров получил от Екатерины II звание "университетского стихотворца" и 1500 руб. жалованья.

Реально сближались с образом "бедного писателя" представители тогдашней массовой литературы, такие как М. Чулков – автор романа "Пригожая повариха, или похождения развратной женщины", или М. Комаров – создатель бестселлеров "Описание жизни славного российского мошенника Ваньки Каина" и "Повесть о приключении англичанского милорда Георга". Однако "милорда глупого" и "Ваньку Каина" сегодня в школе не проходят (да и никогда не проходили), низкожанровый китч "классикой" не является (и никогда не являлся), и в школьных (а часто и в университетских) учебниках имена такого рода авторов отсутствуют.

Зато в любом учебнике присутствуют имена Ломоносова и Сумарокова, причем, как правило, именно в образе народолюбцев и вельможеборцев. Начну с первого: отец Ломоносова действительно был черносотшным (то есть лично свободным) крестьянином, однако сословная принадлежность в России не была тождественной профессиональной и, тем более, не влияла на уровень имущественного благосостояния.

¹ В 1739 г., во время новой Русско-турецкой войны, когда Б. Миних в Бессарабии при местечке Ставучаны наголову разбил турок, явившаяся к фельдмаршалу депутация местной знати изъявила желание присягнуть на верность императрице Анне Иоанновне при том, что новым господарем должен был стать Кантемир; предприятие сорвалось из-за позиции союзной Австрии, поспешившей заключить сепаратный мир с Портой.

В. Ломоносов владел землей и судами (причем и "новоманирными" кораблями европейского типа), он занимался рыбным промыслом, грузовыми и пассажирскими перевозками, был женат на дочери дьякона и, в общем, не бедствовал (например, пожертвовал 10 руб. на строительство церкви в своей родной Денисовке: эта сумма равнялась тогдашнему годовому заработку неквалифицированного рабочего или бурлака). Сам Ломоносов, вернувшись после обучения в Германии, был в 1742 г. назначен адъюнктом Академии со стандартным жалованьем 360 руб., а в 1745 г., став профессором, получал уже 660 руб. В 1748 г. за сотрудничество в "Петербургских ведомостях" жалованье Ломоносова было увеличено на 200 руб.; в том же году за посвященную Елизавете Петровне оду профессор-стихотворец получил от императрицы 2 тыс. руб. В 1751 г. монархиня пожаловала Ломоносову чин коллежского советника (VI класс; напомним, что в гражданской службе чины XIV–IX классов давали личное, а с VIII класса – потомственное дворянство), а его жалованье выросло до 1200 руб. В 1752 г. он обратился в Сенат с прошением о ссуде в 4 тыс. руб. на строительство стекольной фабрики с приписанными к ней землями, лесами и крепостными крестьянами; на следующий год прошение было удовлетворено, и профессор-фабрикант получил в вечное владение пять деревень с 211 душами, организовал производство и, перейдя через некоторое время на выпуск мозаик по казенным заказам, стал получать за эти работы по 13,5 тыс. руб. в год. В 1756 г. Ломоносов получил земельный участок в Петербурге, где выстроил дом, при котором оборудовал собственную лабораторию; в 1763 г. его произвели в статские советники (V класс, титул "ваше высокородие") с жалованьем 1900 руб. в год [Ломоносов, 1986, с. 329–332; Львович-Кострица].

Сумароков происходил из известного с XVI в. дворянского рода. Его отец был человеком и родовитым, и чиновным, и состоятельным: начав служить по военной части, он затем перешел на статскую службу, был главным судьей Канцелярии конфискации и завершил карьеру действительным тайным советником (II класс, "ваше высокопревосходительство"); ему принадлежали (на 1737 г.) шесть имений с 1,7 тыс. крепостными душами. В свою очередь, сын, окончив Шляхетский корпус, в полк служить не пошел, а определился адъютантом в военную канцелярию графа Миниха, затем в том же качестве продолжал службу у вице-канцлера графа Г. Головкина и известного фаворита Елизаветы Петровны графа А. Разумовского (ober-егермейстера, генерал-фельдмаршала и т.д.; согласно мнению историков, в 1744 г. императрица вступила вmorganaticкий брак с этим сыном казака, начавшим карьеру певчим придворной капеллы). Адъютант Сумароков дослужился до бригадирского чина (V класс) и в 1756 г. был назначен директором "Русского для представления трагедий и комедий театра" с должностным окладом 1 тыс. руб. (при том, что весь бюджет театра был утвержден в размере 5 тыс. руб.) [Берков, 1957, с. 9–40; Рябцев, 1998, с. 100]. В отставку Сумароков вышел в генеральском чине действительного статского советника (IV класс, "ваше превосходительство"; чины первых пяти классов именовались генеральскими).

Все эти чины, титулы и звания мало о чем говорят современному читателю, однако в императорской России они четко отражали социальный статус. Ранговая система распространялась на все сферы жизни – как официально-служебной, так и приватно-семейной: даже жены и дочери обладателей классных чинов различались по старшинству, состоя до замужества в классе своих отцов, а в браке – мужей. Этим определялось, например, какие дамы могут носить золотое шитье на платьях, а какие должны довольствоваться серебряным, регламентировались ширина кружев и т.п. Мужчины также носили одежду, стоимость которой соответствовала их рангу (того, кто надел кафтан не по чину, штрафовали); по чинам покупали, держали и получали на почтовых станциях лошадей, по чинам слуги (одетые в соответствии с чином своего хозяина) разносили блюда на званых обедах, чин указывался при оформлении любых официальных документов – словом, все социальные отношения строились в соответствии с принципом "чин чина почитай".

Чин сообщал его носителю дворянское достоинство (дворянин без классного чина рассматривался как неполноправный "недоросль"), а дворянство к 1760-м гг. монопо-

лизировало за собой право земле- и душевладения. Крепостное право сегодня также выглядит чем-то архаично-экзотичным, но во времена, о которых идет речь, обладание "душами" было вторым, после чина, социальным и экономическим базисом дворянской жизни. При этом следует отметить, что в начале последней трети XVIII в. 59% дворян Европейской России владели менее чем 20 душами, еще 25% имели от 20 до 100 душ, и только 16% дворян располагали имениями с численностью крепостных от 100 душ и выше [Рожков, 1924, с. 42].

Таким образом, и Ломоносов, и тем более Сумароков, для своего времени были крупными помещиками; но так как это сегодня, опять-таки, мало что говорит читателю (если только он не профессиональный историк), стоит задействовать компаративистскую методологию и сопоставить денежные доходы наших литераторов с уровнем заработка иных категорий трудового населения, а также с уровнем цен на товары широкого потребления. Итак, жалование Ломоносова за время его службы с 1742 по 1763 г. выросло с 360 руб. до 1900 руб. (другие источники дохода рассматривать не буду), и примерно таким же был служебный заработок Сумарокова. Много это или мало? В середине XVIII в. зарплата мануфактурного рабочего средней квалификации равнялась 30–40 руб. в год, армейский прапорщик получал 50 руб. годового жалования, коллежский ассessor – 100 руб., гвардейский подпоручик – 140 руб. [Семенова, 1974; Медушевский, 1993, с. 237–241; Троицкий, 1974, с. 263; Подробное... 2000, с. 27–28]. Таким образом, Ломоносов, жалованье которого в 1751 г. равнялось 1200 руб., получал в 30–40 раз больше рабочего, в 24 раза больше армейского прапорщика, в 12 раз больше ассессора коллегии, в 8,5 раз больше подпоручика гвардии. Конечно, это не бог весть что, но все же рабочий на свои 30 руб. жил сам и содержал семью, так что, получая в 40 раз больше, крестьянский сын Ломоносов мог кое-как сводить концы с концами.

Уровень благосостояния станет еще очевидней, если обратиться к тогдашнему уровню цен: в Петербурге в 1740-е гг. пуд ржаной муки продавался в среднем по 27 коп., пшеничной – 40 коп., масла коровьего – 1 руб. 30 коп., лучшей говядины – 80 коп., свинины – 1 руб. 20 коп., сельди – 20 коп., судака – 60 коп., осетрины – 1 руб. 60 коп.; пуд черной икры стоил до 2 руб. Столичный Петербург в силу ряда причин закономерно пользовался репутацией одного из самых "дорогих" городов империи; даже в Москве цены были значительно ниже (в 1750 г. пуд свинины продавался здесь в среднем по 55 коп., осетрины – 80 коп., меда – 1 руб. 65 коп., и т.д.), а где-нибудь в Черноземье или Сибири за те же деньги можно было купить гораздо больше. (Например, в Красноярске даже в начале 1770-х гг. пуд ржаной муки стоил 2 коп., пшеничной – 5 коп., пуд говядины – 15 коп.; корова здесь обошлась бы в 1 руб., бык – в 1,5 руб., лошадь – в 2 руб. В более близком к старой столице Воронеже в середине 1780-х гг. ржаная мука продавалась не дороже 20 коп. за пуд, пшеничная – 40 коп., баранина – 60 коп., говядина и осетрина – 80 коп., мед – 2 руб. 80 коп.) Что касается других товаров, то на московском рынке 1740–1750-х гг. пара сапог шла по 30 коп., сапог "немецких" – 50 коп., суконный камзол стоил 2 руб., шуба – 3,5 руб. (все это одежда нового европейского покроя) [Кушева, 1947, с. 86–87; Очерки... 1955, с. 84–85]. Соответственно, на свои 100 руб. в месяц Ломоносов мог купить, даже по чрезвычайно высоким ценам северной столицы (или-или): ржаной муки – 6067 кг, пшеничной – 4095 кг, масла коровьего – 1260 кг, говядины – 2048 кг, свинины – 1365 кг, сельди – 8190 кг, судака – 2730 кг, осетрины – 1024 кг, черной икры – 819 кг. В том случае, если бы он отправился за покупками в Москву, профессор мог приобрести на ту же сотню рублей месячного жалования (или-или): 2978 кг свинины, 2048 кг осетрины, 993 кг меда, а также 200 пар модных сапог, 50 суконных камзолов, 29 шуб.

Таким образом, Ломоносов был человеком вполне состоятельным; современный российский профессор государственного вуза может себе позволить купить того же мяса в 50 раз меньше своего именитого коллеги из XVIII в., не говоря уже об осетрине, черной икре, одежде и обуви. Ломоносов – высокопоставленный чиновник, дворянин, фабрикант и помещик, обладатель высокого социального статуса и материально-

го состояния – именно так следует воспринимать и рассматривать личность этого знаменитого энциклопедиста, среди многочисленных талантов которого был и литературный.

К тем же выводам можно прийти, знакомясь с фактами из жизни других русских сочинителей XVIII в., включая тех, кто известны как пламенные борцы с крепостничеством и безвинные жертвы самодержавного деспотизма. Принадлежащий к этой плеяде литератор, просветитель и масон Н. Новиков родился в семье отставного статского советника, владельца поместья Тихвинское-Авдотьино и дома в Москве. Его отец вышел в отставку в чине армейского поручика, занимался издательским бизнесом; организованная им в 1784 г. акционерная "Типографская компания" давала, по его собственным словам, от 40 до 80 тыс. руб. годовой прибыли, а после ее закрытия осталось нераспроданных книг по каталожным ценам на 700 тыс. руб. Став владельцем родового имения, Новиков вел там большое строительство, а в 1791 г. купил за 18 тыс. руб. еще одно поместье со 110 душами в Орловском наместничестве [Ключевский, 1991, с. 387] (<http://history.tuad.nsk.ru/Author/Russ/B/Brachev/mason/glava6.html>). Освобожденный Павлом I из Шлиссельбургской крепости, куда Новикова заключили в 1792 г. в связи с его масонской деятельностью, он вплоть до самой смерти (1818 г.) жил в своем Авдотьино, то есть оставался помещиком и душевладельцем при всех своих антикрепостнических взглядах и выступлениях.

Еще более знаменитый борец с крепостным рабством А. Радищев был сыном владельца нескольких имений (Немцово Калужской губернии, Верхнее Аблязово Кузнецкого уезда) и 2 тыс. душ (только усадьбу в Верхнем Аблязово обслуживали около 200 дворовых людей) (<http://www.pupilby.net/biorus/041./shtml>). Он учился в Пажеском корпусе, затем в Лейпцигском университете, начал службу сенатским протоколистом, служил обер-аудитором Финляндской дивизии, попал в фавор у графа А. Воронцова, который устроил его ассессором в возглавляемую им Коммерц-коллегию, а затем в петербургскую таможену помощником управляющего. В 1790 г. он – уже управляющий столичной таможней в чине коллежского советника. До генеральского ранга оставалось рукой подать, но вместо этого Радищев из-за своего "Путешествия из Петербурга в Москву" очутился в Илимском остроге. Возвращенный из ссылки Павлом I в 1797 г., он жил в родовом имении Немцове. В 1801 г. новый император Александр I определил Радищева на службу в Комиссию составления законов, где он продолжал развивать свои антикрепостнические идеи, оставаясь при этом самым натуральным "помещиком-крепостником".

Впрочем, взгляды и сочинения Радищева и Новикова являли собой пример отклонения от норм своего времени, тогда как их чиновно-поместные дела были достаточно типичными. "Нормальными" во всех отношениях литераторами XVIII в. можно считать людей типа М. Хераскова, И. Дмитриева, Н. Державина. Потомок валашских бояр М. Херасков родился в семье майора от брака с урожденной княжной А. Друцкой; вскоре после его рождения отец умер, а мать вторым браком вышла замуж за князя Н. Трубецкого, карьера которого ознаменовалась постами сенатора, генерал-прокурора, генерал-фельдмаршала и президента Военной коллегии. Выйдя из Шляхетского корпуса в чине поручика и прослужив некоторое время в гвардии, поэт Херасков перешел на статскую, где дослужился до директора, а затем куратора Московского университета, был вице-президентом Берг-коллегии, получил за свою "Россиаду" от Екатерины II 9 тыс. руб. Павел I пожаловал ему чин тайного советника, 600 душ и орден св. Анны 1-й степени, а в отставку он вышел уже при Александре I действительным тайным советником [Федорченко, 2000, с. 503].

Помещичий сын И. Дмитриев, начав службу гвардейским унтер-офицером, за 20 лет дослужился до капитана, выйдя в 1796 г. в отставку с присвоением чина полковника. В следующем году он вернулся на службу товарищем (заместителем) министра Департамента уделов в чине статского советника, в 1798 г. получил чин действительного статского советника, а в 1799 г. снова вышел в отставку уже тайным советником (за три года от чина VII класса Дмитриев добрался до чина III класса – карьера, до-

стойная удивления даже в царствование императора Павла I). Купив в Москве дом за 5,8 тыс. руб. и имея 3 тыс. руб. годового дохода, он жил так несколько лет, пока в 1806 г. его не назначили сенатором, одновременно наградив орденом св. Анны 1-й степени. В 1810 г. Дмитриев становится членом Государственного совета и получает орден св. Александра Невского; в том же году назначен министром юстиции. В 1814 г. Дмитриев, в который уже раз, вышел в отставку, однако в 1816–1819 гг. опять служил, на сей раз председателем Комиссии для пособия жителям Москвы. На этой должности в 1818 г. он получил чин действительного тайного советника, а в следующем году окончательно вышел в отставку, получив орден св. Владимира 1-й степени [Русские... 1988, с. 200–201].

До чина действительного тайного советника дослужился и Державин. Его служебная карьера была почти столь же долгой: потомок мурзы Багрима, выехавшего из Большой Орды при Василии Темном, Державин родился в семье секунд-майора, вышедшего в отставку полковником, владельца нескольких маленьких имений и всего 10 душ (еще 50 душ было у матери). Окончив Казанскую гимназию, Державин десять лет добирался от рядового мушкетера лейб-гвардии Преображенского полка до первого обер-офицерского чина прапорщика, в 1773 г. получил чин подпоручика, принимал участие в подавлении пугачевского восстания, а в 1774 г. подал прошение, в котором за свои подвиги просил о переводе его в армию полковником (чин на три класса выше, хотя гвардия была выше армии только на два класса). Вместо этого ему пришлось дожидаться до 1777 г. производства в капитан-поручики, после чего его перевели не в армию, а на статскую в чине коллежского советника с приложением 300 душ в новоприсоединенной Белоруссии.

Державин служил экзекутором Сената, в 1782 г. получил генеральский чин статского советника, в 1784 г. – действительного статского советника, назначен губернатором в Олонец, в 1785 г. стал тамбовским губернатором. В 1791 г. он уже статс-секретарь, в 1792 г. получает орден св. Владимира 2-й степени, в 1793 г. – чин тайного советника и должность сенатора. В 1794 г. Державин – президент Коммерц-коллегии; в 1796 г. император Павел I сделал его правителем канцелярии Императорского совета (правда, ненадолго), в 1799 г. наградил орденом св. Анны 1-й степени, а в 1800 г. Державин становится членом Императорского совета и государственным казначеем (кроме жалованья, ему было положено 6 тыс. руб. столовых в год). Александр I в 1801 г. пожаловал Державину орден св. Александра Невского, а в 1802 г. назначил его министром юстиции с жалованьем 16 тыс. руб. в год; правда, в министерском кресле он продержался недолго и в 1803 г. вышел в отставку со всех должностей с ежегодным пансионом в 10 тыс. руб. [Русские... 1988, с. 133–167].

Такая пенсия могла несколько скрасить "заслуженный отдых" (для сравнения: по университетскому уставу 1804 г. профессор получал жалованье 2 тыс. руб. в год, а рабочие в Петербурге зарабатывали в это время от 36 до 168 руб. в год, в среднем 80 руб.) [Китанина, 1981, с. 209; Сборник... 1864^a, стб. 215–219, 264–301]. Нетрудно подсчитать, что Державин получал пенсию вдесятеро больше профессорского жалованья и в 125 раз больше зарплаты рабочего. Для того чтобы еще более конкретизировать размер получаемого Державиным "пансиона", приведу некоторые столичные цены начала XIX в.: пуд ржаной муки стоил 79–98 коп., муки пшеничной сеяной – от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп., крупы гречневой – 1 руб. 10 коп., риса – 3 руб. 20 коп., мяса – от 4 руб. до 4 руб. 40 коп., масла коровьего – 13 руб. [Пажитнов, 1923, с. 107; История... 1972, с. 102]. Таким образом, на месячную пенсию в 833 рубля Державин мог купить (или-или): 17 278 кг ржаной муки, 5687 кг пшеничной муки, 12 409 кг гречки, 4266 кг риса, 3413 кг мяса, 1050 кг масла. Но это только на пенсию, а поэт имел доходы и со своих нижегородских и белорусских поместий; в одном подмосковном имении Званка, принадлежавшем его второй жене, числилось до 400 душ. Петербургский дом Державина представлял собой целую усадьбу с конюшнями, коровником, птичником, сеновалами, ледниками, кухней, прачечными и даже собственной бойней; одних жилых комнат насчитывалось до шестидесяти. Общая сумма доходов семьи Держави-

ных превышала 70 тыс. руб. в год [Ходасевич, 1988, с. 215, 228, 230], что равнялось годовому заработку 2 тыс. чернорабочих.

Вельможи, сановники, помещики, состоятельные или даже откровенно богатые люди – вот какими предстают перед нами русские литераторы XVIII в. В следующем столетии братия сочинителей, конечно, измельчала/демократизировалась, но опять-таки, далеко не сразу и не в тех масштабах, как то представляется современному читателю. Так, Карамзин – сын отставного капитана и симбирского помещика, окончив университетский пансион в Москве, определился в лейб-гвардии Преображенский полк и уже через три года, получив после смерти отца небольшое наследство (деревню Ключевку), вышел в 1784 г. в отставку гвардейским поручиком. Жизнь на скромные доходы от издания журналов и альманахов, в конце концов, ему наскучила, и в 1803 г. он добился назначения на должность придворного историографа в чине надворного советника и с обычным профессорским жалованьем 2 тыс. руб. в год. В дальнейшем близость ко двору принесла Карамзину и генеральские чины (1816 г. – статский советник, 1824 г. – действительный статский советник), и ордена (св. Анны 1-й ст., св. Владимира 3-й ст.), а Николай I, вступив на престол, назначил историографу и его детям поистине царскую пенсию в 50 тыс. руб. (правда, воспользоваться ею Карамзин уже не успел) [Соловьев].

Чиновными людьми являлись и другие литераторы той эпохи: А. Шишков дослужился до вице-адмирала и генерал-адъютанта, был министром и государственным секретарем; князь П. Ширинский-Шихматов добрался до чина тайного советника и должности министра; граф Д. Хвостов был действительным тайным советником, обер-прокурором, сенатором и т.д.; князь П. Вяземский окончил жизнь в звании тайного советника, обер-шенка, сенатора, члена Государственного совета и пр.; Д. Блудов дослужился до действительного тайного советника, получил графский титул, был министром, председателем Комитета министров и Государственного совета. Даже В. Жуковский, будучи внебрачным сыном тульского помещика² и имея после недолгой службы в ополчении скромный чин штабс-капитана, сумел поправить свои дела, поступив в 1815 г. в придворную службу. В 1816 г. ему был пожалован пожизненный пенсион в 4 тыс. руб., с 1817 г. он преподавал русский язык великим княгиням Александре Федоровне и Елене Павловне, а с 1825 г. стал воспитателем наследника престола, великого князя Александра Николаевича; в отставку Жуковский вышел в 1841 г. в чине тайного советника [Кузовкина].

Только Пушкину не очень везло с чинами, что, впрочем, неудивительно, так как служить поэт не любил и не хотел. Выйдя из Лицея в 1817 г. в чине коллежского секретаря (X класс), он определился в архив Иностранной коллегии с жалованием в 700 руб., где и числился до 1824 г., совершенно не утруждая себя служебной рутинной (по словам самого поэта, "семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником"). Правда, женившись, Пушкин в 1831 г. снова попросился на службу, вспомнив к тому же, что ему по выслуге лет (тех самых, когда он, его же словами, "считался в Иностранной коллегии") следовало получить очередных два чина – титулярного советника и коллежского асессора. Его снова причислили к Иностранной коллегии, дали чин титулярного советника (IX класс) и определили жалованье в 5 тыс. руб., не возлагая при этом никаких служебных обязанностей; в 1833 г. Николай I пожаловал Пушкину придворное звание камер-юнкера, что, как известно, вызвало недовольство поэта. (Однако тут отнюдь не было желания унижить поэта: действовал чисто бюрократический принцип. Это звание давалось лицам определенных чинов, что в 1836 г. было зафиксировано специальным указом, устанавливавшим, что его могут получить гражданские чиновники IX–VI классов, а

² Его усыновил крестный, фамилию которого он затем и носил вместо отцовской – Бунин; чтобы получить дворянство, малолетнего Жуковского записали в гусарский полк, где он и был произведен в первый обер-офицерский чин прапорщика.

звание камергера – чиновники V–III классов; Пушкин же имел чин именно IX класса [Шепелев, 1991, с. 172]).

Камер-юнкерство делало Пушкина придворным кавалером, то есть открывало доступ к лицам императорской фамилии, что "Двора Е.И.В. камере-юнкер и Титулярный Советник Александр Пушкин", надо заметить, более или менее умело использовал, в том числе и в финансовом отношении. Написав "Историю Пугачевского бунта", в 1834 г. Пушкин получил из государственного казначейства беспроцентную ссуду в размере 20 тыс. руб. на публикацию этого труда, с обязательством погасить долг равными частями в течение двух лет. Однако выплачивать долг поэт не спешил: взяв на себя заботы по отцовскому имени, Пушкин запросил долгосрочный отпуск, вместо чего ему было предложено выйти в отставку. Государь вник в обстоятельства дела и, как пишет Пушкин, "весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов и приказал выдать мне 10 000 р. как вспоможение" [Пушкин, 1949, с. 247]. Такого "вспоможения" поэту показалось недостаточно, и он вместо этого предложил, чтобы ему одолжили 30 тыс. руб., которые погашались бы за счет жалованья (то есть на службе он оставался, но денег не получал, как, впрочем, и не исполнял никаких обязанностей). Император согласился, и, не вернув одну ссуду, Пушкин получил другую – всего, таким образом, взяв в казне 50 тыс. руб.; после этого у него стали вычитать жалованье за чисто номинальную службу в счет погашения второго долга, а выплата первого отодвинулась куда-то в туманную даль. В результате, когда в 1837 г. поэт погиб, за ним оставалось приблизительно 40–45 тыс. руб. долга государственному казначейству. Но вместо взыскания этой суммы с наследников, император выплатил все долги Пушкина – и государственные, и частные (всего около 70 тыс. руб.), назначил вдове пенсию в 5 тыс. руб., на воспитание детей – 6 тыс. руб. в год (в 1841 г. эта сумма была увеличена до 10 тыс. руб.), дал 10 тыс. руб. одновременно и еще 50 тыс. руб. на издание в пользу семейства собрания сочинений покойного. Таким образом, фиктивно-номинальная служба принесла Пушкину и его семье в виде жалованья и разного рода бонусов около 140 тыс. руб. (не считая 15-тысячного пенсионера вдове и наследникам).

Кое-какой доход давали и фамильные имения. Отец поэта, С.Пушкин, был потомственным дворянином (род восходил к временам Александра Невского и даже еще более ранним); в гвардии он дослужился до капитан-поручика, перевелся в крисс-комиссариатское ведомство майором и в конце концов добрался до генеральского чина статского советника. В его имениях в Нижегородской губернии (Болдино и Кистеневе) по VII-й ревизии (1815 г.) числилось более 1 тыс. душ, земли было 4,7 тыс. дес., да еще за женой он взял село Михайловское в Псковской губернии с 80 душами и 700 дес. земли. Нижегородские имения в 1830-х гг. оценивались в 600 тыс. руб., Михайловское – в 40 тыс. руб.; доход с имений (они были оброчными) достигал 22 тыс. руб. в год. Правда, сам поэт прямого отношения к родовым имениям не имел, так как они не были разделены; но некоторый профит от этого все же был – так, перед свадьбой Пушкин получил от отца по доверенности 220 душ и тут же заложил их за 38 тыс. руб. (для сравнения: эта сумма равнялась средней зарплате индустриального рабочего за 475 лет).

Впрочем, основная составляющая пушкинского бюджета – литературный заработок. Он стал одним из первых профессиональных, но при этом "благородных" литераторов. Уже во второй половине 1820-х гг. Пушкину платили по 10 руб. за строку (то есть за два четверостишия он получал столько, сколько рабочий зарабатывал за целый год), за "Бориса Годунова" он выручил 10 тыс. руб., а в целом его гонорарные доходы достигали 20 тыс. руб. в год. По контракту 1830 г. с издателем А. Смирдиным, рассчитанному на 4 года, Пушкин передавал последнему право на продажу своих прежде опубликованных сочинений, за что поэту причиталось 7,2 тыс. руб. в год. "Евгения Онегина" он издавал и продавал по главам, получая по 5 тыс. руб. за главу (издание было успешным, и Пушкин после реализации тиража тут же приступил к второму изданию – тоже отдельными главами, так как это давало существенно большую при-

быль). "Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 дохода. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию", – заявлял поэт, приступив к изданию "Современника" (правда, в этом случае, как и с "Историей Пугачевского бунта", на которой он рассчитывал заработать от 30 до 50 тыс. руб., надежды Пушкина не оправдались) [Пушкин, 1914, с. 992–1101; Друзья... 1984, с. 259] (<http://www.intelligent.ru/cgi-bin/loadtext.pl?id=1882&file=articles/text101.htm>).

Для того чтобы оценить все эти цифры, необходимо сравнить их с другими, а именно: в то время (1830-е гг.) на уральских частных заводах подмастерья зарабатывали от 50 до 115 руб. в год; в столице младший мастеровой получал 72 руб. в год, старший мастеровой второго разряда – 120–130 руб. в год; учитель рисования в уездном училище имел жалованье 200 руб. в год; работа канцеляриста в университете или управлении учебного округа оценивалась в 250 руб. в год. Цены же были таковы: на московском рынке в январе 1837 г. пуд ржаной муки продавался в среднем по 75 коп., гречневой крупы – 94 коп., свежего мяса – 4 руб. 80 коп., масла коровьего – 12 руб. 95 коп. [Китанина, 1981, с. 226; Сборник... 1864⁹, с. 6, 30; Материалы... 1841, с. 69]. Конечно, измерять ценность стихов говядиной – дело довольно сомнительное, но, руководствуясь указанием самого Пушкина, что "не продается вдохновение, но можно рукопись продать", путем несложного расчета устанавливаем, что рыночная стоимость одной главы "Евгения Онегина" равнялась стоимости 109 т муки или 17 т мяса (в нынешней пропорции цен это порядка 1,5 млн руб. по муке или 2,5 млн руб. по мясу). Так что даже не имея высоких чинов и собственных крепостных (за исключением десятка дворовых "людей"), Пушкин был человеком, скажем так, достаточно состоятельным.

То же можно отнести к И. Тургеневу, отец которого вышел в отставку полковником (ему принадлежали 140 душ), а мать владела 5 тыс. душ только в Орловской губернии (за ней числились деревни еще в четырех губерниях), 600-тысячным капиталом и прочей "мелочью типа 60 пудов серебряной посуды в усадьбе Спасское-Лутовиново. После смерти матери в 1850 г. Тургенев унаследовал 1925 душ. Для сравнения: по X-й ревизии (1858 г.) из 87,3 тыс. помещиков губерний Европейской России более чем 1000 душами владели 1 тыс. чел. (1,1%), от 500 до 1 тыс. душ имели 1,8 тыс. чел. (2,0%), от 100 до 500 душ – 15,7 тыс. чел. (18,0%), от 20 до 100 душ – 30,6 тыс. чел. (35,1%) [Пайпс, 1993, с. 235]. На этом фоне полученное Тургеневым наследство выглядило весьма впечатляюще. До тех пор он получал от матери скромное содержание в 6 тыс. руб., но этого вместе с гонорарами ему, видимо, хватало для того, чтобы жить, не обременив себя службой (Тургенев в 1842 г. поступил в чине коллежского секретаря в канцелярию министра внутренних дел, но на следующий год вышел в отставку и пожизненно так и оставался отставным коллежским секретарем) [Живые... 1980, с. 111] (http://fictionbook.ru/author/lebedev_yuriyi_vladimirovich/turgenev/lebedev_turgenev.html).

Отец Н. Некрасова – отставной майор и владелец 50 душ, лишил сына материальной поддержки за ослушание. Однако его литературно-издательские предприятия со временем стали приносить доход, достаточный, чтобы держать прислугу, иметь собственный выезд и вести карточную игру на десятки тысяч рублей. Даже В. Белинский, сын военного лекаря, получал в "Отечественных записках" 5 тыс. руб., а затем в "Современнике" – 8 тыс. руб. в год, чего хватало на содержание пятикомнатной квартиры с прислугой (для сравнения: экстраординарный профессор столичного университета получал тогда жалованье 3,5 тыс. руб. в год, а ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук – 5 тыс. руб.; квалифицированный рабочий зарабатывал порядка 150–200 руб. в год). Герцен, внебрачный сын отставного капитана И. Яковлева (впрочем, дед будущего демократа-социалиста дослужился до действительного статского советника и президента Юстиц-коллегии; один дядя был камергером и обер-прокурором Синода, другой – действительным тайным советником, камергером, посланником, сенатором), вырос в доме, где насчитывалось около 60 человек дворовой прислуги. На занятия в университете он отправлялся в собственной коляске с крепостным слугой, а после окончания курса отец выдавал ему по 3 тыс. руб. годового содержания. Умерший в 1846 г. отец оставил в наследство матери Герцена 200 тыс.,

брату – 150 тыс., а ему самому – 300 тыс. руб. серебром; общая сумма наследства в переводе на ассигнационный курс начала 1840-х гг. составляла, таким образом, 2 млн 275 тыс. руб., а доля одного Герцена равнялась 1,05 млн руб. (унаследованная им сумма равнялась 210 годовым окладам жалования университетского профессора, или зарплате учителя рисования за 5250 лет). Естественно, что при таких доходах служба по ведомству Министерства внутренних дел Герцена особо не занимала, а вот философии и литературе он предавался с немалым увлечением.

Точно так же и его друг Н. Огарев мог не придавать большого значения своей должности актуариуса в архиве Иностранной коллегии, так как его отец владел 5 тыс. душ, дядя был сенатором, а сам он, будучи в 1835 г. выслан в Пензу, женился на племяннице местного губернатора. В 1838 г., после смерти отца, Огарев стал владельцем более 4 тыс. душ в разных губерниях; некоторое представление о размере его состояния дает тот факт, что в 1841 г. он выдал жене вексель на 500 тыс. руб. ассигнациями [Панаева, 1972, с. 281, 387, 448; Пассек, 1963, с. 56, 318; Огарев, 1977, с. 289, 309; Белинский... 1962, с. 241–412].

* * *

Такого рода цифры можно приводить еще очень долго, что могут подтвердить специалисты – историки и литературоведы. Проблема заключается не в неизвестности данных фактов, а в том, что они игнорируются или *блокируются* массовым сознанием. В результате появляется соответствующее содержание учебных курсов и пособий для средней и высшей школы. Действительно, остающаяся по сей день фундаментом общественного самосознания национально-эгалитаристская парадигма выступает своего рода фильтром информации, задает систему когнитивных стереотипов, благодаря которой одни аспекты истории литературы выходят на передний план, а другие либо вовсе не воспринимаются, либо не становятся предметом рефлексии. То, что Державин всеми силами добивался пожалования ему крепостных душ, Новиков и Радищев были помещиками, а Пушкин, не задумываясь, брал кредит под залог своих крестьян, что из всех пламенных критиков крепостничества никто, за редчайшими исключениями, не отпустил на волю собственных крепостных, как-то проходит мимо сознания и учащихся, и самих преподавателей.

В этом эгалитаристском сознании как-то не укладывается, что Пушкин мог высмеивать Радищева за его сострадание по отношению к несчастным крепостным "рабам" (в "Путешествии из Москвы в Петербург"), а Герцен – презирать "нигилистов" за их реально демократическое происхождение ("Мы невольно узнаем переднюю, казарму, канцелярию и семинарию по каждому их движению и по каждому слову... Их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подъяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома" [Герцен, 1983, с. 332]). Господствующая сегодня идеология, подразумевающая естественность равенства и неестественность неравенства не дает возможности увидеть, что в отношении недавние исторические эпохи господствовали прямо противоположные представления; наоборот, она проецируется в прошлое и реконструирует его так, что дает возможность массе присвоить культуру элиты, воспринять ее как "свою".

Дело в том, что национализм и эгалитаризм предполагают друг друга: национальное выступает как народное, и наоборот. При этом как в генезисе, так и в современном функционировании этой ментально-идеологической связки огромную роль играла и играет образовательная система, особенно преподавание истории, литературы и истории литературы. Как мне кажется, есть смысл попробовать приложить к отечественным реалиям идеи и наблюдения Э. Геллнера, который считал, что национальное государство через образовательную систему навязывает народным массам высокую письменную культуру; Б. Андерсона, писавшего о "печатном капитализме" и "филологической революции" как факторах исторического становления нации;

Э. Хобсбаума, заявлявшего о лингвистической национализации сфер образования и средств массовой информации XIX в. [Геллнер, 1991; Андерсон, 2001; Хобсбаум, 1998]. Эти идеи уже широко вошли в отечественный научный оборот, но практически-методологического их использования в конкретных исследованиях по проблемам образования пока почти не наблюдается (впрочем, я могу и ошибаться). Конечно, в формате журнальной статьи сделать это невозможно, но я все же попытаюсь набросать небольшой эскиз.

Я согласен с Геллнером в том, что нация создается национализмом: в отличие от этноса, нация растет не снизу вверх, а сверху вниз – не от жизни к мысли, а от мысли к жизни. Важнейшим атрибутом, а в некотором смысле – и субстанцией нации, выступает национальное самосознание, постулирующее отличие его носителей от людей иных наций, в плоскости которого происходит снятие внутринациональных – то есть сословных, собственно социальных, – различий. Творцами национального самосознания, как правило (по крайней мере, в историческом аспекте), выступают литераторы – люди, чья профессия неразрывно связана с работой над словом и языком. Можно даже согласиться с точкой зрения, что этнос не жестко связан с языком: один этнос может пользоваться несколькими языками, несколько этносов могут говорить на одном языке, наконец, этнос может потерять свой язык и говорить на языке другого этноса, не сливаясь с ним в нечто единое. Но в этом случае нация будет противоположна этносу: нация есть то, что мыслится – если этничность проживается, то национальность промышляется ("воображается", по Андерсону). Поэтому нация всецело зависит от языка – языка мысли; этнос становится нацией, обретая национальную литературу – написанную (и прочитанную) на национальном литературном языке. Можно сказать, что нацию создают писатели из своих читателей, усваивающих литературный язык в качестве фундаментальной парадигмы речи и мысли; национальная литература – коррелят литературной нации, и литератор здесь выступает националистом по определению.

Национализм литератора-интеллигента – оборотная сторона его демократизма; интеллигент по своей социальной природе внесословен (речь идет не о внешнем социальном статусе, а о внутренней социальной позиции, реализующейся и транслирующей в действительности, особенно творческой). Однако примерно до середины XIX в. (точнее, до 1840-х гг.) русские литераторы не были интеллигентами ни по сословной принадлежности, ни по разделяемой ими системе ценностей, и уж совершенный анахронизм – приписывать демократизм/эгалитаризм писателям XVIII в. В то же время это генеральско-помещичье творчество в процессе преподавания в средней и высшей школе упорно рассматривается в качестве "русской национальной литературы" с предполагаемым неизбежно демократическим содержанием.

Началось это не сегодня и даже не вчера – еще в дореволюционных руководствах для учителей постулировались принципы типа: "Начальная школа является не только всесословною, для всех равною и одинаково-обязательною, но и национальною: она стремится объединить своих учеников на почве воспитания у них сознательной любви к родине и отечеству, ко всему русскому"; "Русская начальная народная школа, как место обучения и воспитания детей народа из всех его сословий, должна представлять собою учреждение самобытное, национальное, русское" [Народная... 1913, с. 15, 18]. По мере демократизации/национализации школы значение преподавания русской словесности поступательно увеличивалось: если в начале XIX в. учебное время, отводимое на русский язык, составляло менее пятой части от времени, посвященного изучению классических и новых иностранных языков, то уже к середине столетия этот показатель поднялся почти до двух третей (в три раза больше) и в дальнейшем продолжал возрастать [Сборник... 1864⁶, с. 8; Сборник... 1877, стб. 286–289, 326–327]. Естественно, что и содержание учебных курсов по русской литературе приобретало все более демократическую окраску, что было доведено до максимума уже в советское время (особенно с 1940-х гг. до конца 1980-х гг.). И даже в нынешнюю постсоветскую эпоху, когда показатели социальной поляризации в России бьют все европейские

и мировые рекорды, школьникам и студентам продолжают рассказывать о "небогатом Пушкине" и "мытарствах Некрасова" – если вообще заходит речь о социальном происхождении и материальном благосостоянии владык дум минувших столетий.

Конечно, раз "Пушкин – наше все", он не может быть иным, отличным от "нас". А так как "мы" в подавляющей массе не очень состоятельны, если не откровенно бедны, то чтобы стать "нашим", ему следует, по мере возможности, не слишком отличаться от "нас" по своим доходам и отношению к деньгам и имуществу (особенно одушевленному), поэтому вопрос о его доходах, особенно в сравнительном аспекте, является *фигурой умолчания*. Этому способствуют и ассоциации с нынешним положением дел в сфере периодики и книгоиздания: если в пушкинские времена на тогдашний обычный журнальный гонорар в 200–300 руб. за печатный лист можно было купить тонну говядины, то на сегодняшний гонорар и полпуда не купишь. Даже авторы популярных бестселлеров на гонорар за целый роман в силах приобрести не более трех – пяти квадратных метров московской жилплощади. Эту ситуацию гораздо легче спроецировать в прошлое при помощи системы образования, чем переварить тот факт, что зарплата полунисшего, по мнению его коллег-современников, журнального критика Белинского раз в пятьдесят превышала среднюю зарплату его современника-рабочего, и в переводе на нынешние реалии выражалась бы в сумме порядка полумиллиона рублей.

Да, творцы великой русской литературы, за редкими исключениями, были *неприлично богаты* – неприлично именно в рамках той эгалитарно-национальной или национально-эгалитарной парадигмы, о которой у нас идет речь, но отнюдь не в рамках социальной структуры и системы ценностей эпохи, в которую они жили и творили. Сторонников идей социального конструктивизма часто обвиняют – и порой справедливо – в релятивистски-пренебрежительном отношении к объективной истине; однако доминирующие в массовом сознании исторические представления зачастую отстоят от истины еще дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962.

Берков П.Н. Жизненный и литературный путь А.П. Сумарокова // *Сумароков А.П.* Избр. произв. Л., 1957.

Геллнер Э. Нации и национализмы. М., 1991.

Герцен А.И. Былое и думы. М., 1983.

Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2-х т. Т. 2. М., 1984.

Живые страницы: И.С. Тургенев. Молодые годы. Начало творческого пути. В воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. М., 1980.

История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972.

Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг. Л., 1981.

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.

Кузовкина Т. Некролог Булгарина Жуковскому (<http://www.ruthenia.ru/document/535675.html>).

Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30–40-х гг. XVIII в. // Исторические записки. Вып. 23. М., 1947.

Лебедев Ю.В. Русская литература XIX в. 10 кл. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. М., 2003.

Ломоносов М.В. Поэзия. Проза. Письма. Воронеж, 1986.

Львович-Костица А.И. Михаил Ломоносов. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк (http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0030.shtml).

Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1993.

Народная школа. Руководство для учителей и учительниц начальных училищ. Ч. 2. М., 1913.

- Огарев Н.П.* Избранное. М., 1977.
- Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703–1861 гг.). М.–Л., 1955.
- Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. Т. 1. Пг., 1923.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Панашева А.Я.* Воспоминания. М., 1972.
- Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 2. М., 1963.
- Подробное известие о Лейб-Гвардии Семеновском полку // Родина. 2000. № 11.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 16. М.–Л., 1949.
- Пушкин А.С.* Собр. соч. М., 1914.
- Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.–Л., 1924.
- Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII в. М., 1988.
- Рябцев Ю.С.* Хрестоматия по истории русской культуры; художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М., 1998.
- Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. I. 1802–1825. СПб., 1864^а; Т. II. Отд. I. 1825–1839. СПб., 1864^б; Т. V. 1871–1873. СПб., 1877.
- Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.
- Соловьев Е.* Карамзин. Его жизнь и литературная деятельность (http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0090.shtml).
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
- Федорченко В.И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. В 2 т. Т. 2. Красноярск, 2000.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
- Ходасевич В.Ф.* Державин. М., 1988.
- Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.